

ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ ПРАВОЙ*

Русские консерваторы верят, что история их страны всегда развивалась по-иному, нежели история Европы. Долгое время Россия была отсталой страной, главным образом потому что она служила бастионом против татарского, монгольского и других нашествий с Востока. В войнах против них Европа не пришла России на помощь — наоборот, она изолировала Россию и воздвигла против нее всякого рода барьеры. Относительно петровских реформ мнения разделяются. Немногие консерваторы полностью их отвергают, но многие полагают, что новшества следовало вводить, однако в течение более продолжительного времени и без столь сильных травм. Расширяясь в сторону Азии и Кавказа в XVIII-XIX веках, Россия была не империалистическим агрессором, а цивилизующей силой.

Мощь России быстро росла. Она стала сильнейшей военной силой на континенте, без нее не удалось бы нанести поражение Наполеону. Были отступления вроде Крымской войны, но они не имели решающего значения. Промышленная революция произошла в России позже, чем на Западе. Но в результате этого России удалось избежать ряда тяжелейших последствий промышленной революции и модернизации, поразивших Запад. Освобождение крепостных создало основу для быстрого развития сельского хозяйства. В конце века Россия производила больше зерна, чем все американские государства, взятые вместе; она была житницей Европы. Голодные годы бывали, но они даже отдаленно не походили на то, что случилось при Сталине. При этом промышленный рост страны в 1885-1914 гг. (5,7% в среднем за год) был выше чем в какой-либо другой стране. Если в 1885 г. протяженность железных

дорог составляла 1376 км, то в 1885 г. она увеличилась до 27,4 тыс. км, а к 1914 г. — до 77,2 тыс. км. Бремя прямых и косвенных налогов в царской России было значительно меньше, чем на Западе. Хотя в расчете на душу населения страна все еще была бедна, ее социальное законодательство (например в отношении продолжительности рабочего дня и детского труда) было весьма прогрессивным в сравнении с другими странами мира. В 1913 г. рацион питания русского рабочего и крестьянина был лучше, чем в 1991 г. К началу первой мировой войны примерно 70% населения было грамотным, и несмотря на войну и последующий хаос, в 20-е годы неграмотность была бы, вероятно, окончательно ликвидирована. С 1908 г. обучение стало обязательным, плата за обучение в высших учебных заведениях была значительно ниже, чем в других странах.

Зная о природных богатствах страны, иностранные наблюдатели предвидели ее дальнейший бурный рост, а некоторые даже предполагали, что к концу XX века Россия будет ведущей в экономическом отношении державой мира. По оценкам демографов, к 1948 г. в России должно было жить 348 млн. человек. Русская культура в лице ее лучших представителей достигла мировой славы; такие писатели как Толстой и Достоевский не имели себе равных в мире.

В свете таких данных русская история весьма отличается от марксистского видения отсталой, разоренной, нищей и несчастной страны. Если и есть какая-либо правда во всем сказанном, то напрашивается лишь один вывод: революция и советская власть были не только морально-политической катастрофой, но и повлекли за собой в высшей степени неблагоприятные демографические, экономические и социальные последствия.

Однако в приведенном обзоре многое упущено, и картина, которую он создает, является односторонней и неполной. Верно, что Россия развивалась во многих направлениях и стала ведущей военной державой. Однако весьма мало было сделано для интеграции нерусских народов; правители России противились всем их стремлениям даже в области культурной автономии и ограни-

* Главы из рукописи "Русская правая вчера, сегодня и завтра".

ченного самоуправления. Темпы экономического роста выглядят внушительно, но в основном потому, что точка старта была низкой — таковы "преимущества" отсталости. Кроме того, экономическое развитие было в основном результатом инициативы западников, таких как граф Витте (которого русские националисты ненавидят), его предшественника Бунге а также Столыпина, которого они уважают больше, но социальную политику которого они по-прежнему отвергают. Евреи и другие "инородцы" играли центральную роль в модернизации России.

Но главное, основную опору режима никак нельзя было назвать прочной. За исключением Александра II, правители страны не отличались государственным умом и предвидением. Они верили, что народ не готов и, вероятно, никогда не будет готов принять большее участие в управлении страной. Поэтому монархи и их окружение все более отдалялись от народа. "Общество", т.е. интеллигенция, многие представители средних классов и даже отдельные группы дворянства оказывались в оппозиции царской власти. В этой расстановке сил церковь играла гораздо более скромную роль, чем принято считать, она была немногим более правительственного департамента. Были национальные государственные деятели высокого ранга, признававшие необходимость более динамичной политики, однако монархи давали им весьма ограниченную свободу действий, и то неохотно и лишь в периоды кризисов.

Правители не делали ни одной серьезной попытки добиться большей спаянности и единства общества. Консервативными мыслителями XIX века немало сказано в осуждение утопического разрушительного радикализма русской интеллигенции, ведущего к революции. Но отчуждение было не случайным: для Александра III все пытавшиеся участвовать в государственных делах были "гнилой интеллигенцией". Поскольку легального выхода политической энергии интеллигенции и других широких слоев общества не было, то взрыв был неизбежен; здесь-то и заключался контраст с Западом, где такая энергия была введена в рамки и приобрела конструктивный характер.

Еще до 1917 г. было немало тревожных сигналов, не принятых во внимание: Крымская война, кампании террора, революция 1905 г., поражение в войне с Японией. Возможно, есть основания для взгляда, что монархия — лучшая форма правления для России. Однако даже убежденным монархистам было все труднее верить, что находящиеся наверху обладают качествами, необходимыми для выполнения их миссии.

Героями правой являются Столыпин и Николай II, "царь-мученик". Солженицын публикацией своих исторических романов в 70-80-е годы во многом способствовал возрождению славы Столыпина. В годы гласности речи Столыпина были опубликованы в сотнях тысяч экземпляров, появились также его биографии и статьи о нем¹.

Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911 гг.) сначала приобрел известность как жесткий, эффективный и неподкупный губернатор (в Гродно, затем — в Саратове). В 1906 г. он стал министром внутренних дел, годом позже — премьер-министром. Несомненно, что он был наиболее разумным и сильным государственным деятелем России последних лет царизма. Левые ненавидели его за безжалостное гонение революционного движения и за разгон Думы. В то же время они признавали, что если бы начатые им аграрные реформы проводились с той же энергией и после его убийства и мирное развитие продолжалось бы еще лет 10-20 (на что Столыпин надеялся и о чем молился), движущие силы революционного движения ослабели бы: лозунг "земля — крестьянам" стал бы не столь привлекательным, и Октябрьская революция, возможно, не произошла бы.

В обсуждении причин ограниченной привлекательности патриотических движений (за круглым столом, проведенным в Москве в 1991 г.) Ю.Д. Речкалов упоминает об их православности и тенденции видеть русскую историю через очки мифологии: только практикующий православие может быть истинно русским; рынок и демократия — зло по определению. Последний цар упоминается лишь в сусальных тонах. Столыпина они видят как основателя автократии, постоянно думавшего о ее укреплении.

Однако реальный Столыпин, замечает Речкалов, отстаивал просвещенный патриотизм, полностью осознающий преимущества и ценности конституции; он хотел двадцати мирных лет не для укрепления и совершенствования полицейского контроля, а для насаждения в народе гражданского духа, воспитания в людях уважения к законам и создания таким образом условий демократизации системы. Консервативные современники Столыпина отлично знали о его долгосрочных планах, и поэтому крайние правые ожесточенно нападали на него за подрыв и даже разрушение царской власти, церкви, коллективистского духа русского народа и т.д.²

Столыпин был энергичным руководителем и отличным думским оратором, его искренность и верность слову признавали даже его политические противники. Вначале он пользовался доверием царя, но с годами отношение к нему Николая II изменилось в результате постоянного давления, которое оказывал Столыпин на колеблющегося монарха с целью побудить его к решительным действиям, а также в результате интриг придворных и царицы, желавшей избавиться от Столыпина. После его убийства Богровым (революционер, ставший полицейским агентом, выходец из семьи крещеного еврея) Александра просила преемника Столыпина не упоминать при ней имени человека, который "затмевал ее мужа".

Некоторые изречения Столыпина стали в период гласности крылатыми: либералам и революционерам нужны великие потрясения, а ему нужна великая Россия; "мы должны дать свободу русскому народу, но сначала он должен стать достойным свободы"; "политика должна заботиться об исправных и сильных, а не о пьяницах и слабых". Так распространилась легенда, что если бы не убийство Столыпина, все было бы хорошо, и погубили его сатанинские силы, ответственные за падение России.

И в самом деле, обстоятельства убийства Столыпина по сей день окончательно не выяснены. Однако нет никаких оснований полагать, что если бы не убийство, судьба России была бы иной. Через недолгое время его противники при дворе добились бы его отставки. Он нажил себе

многочисленных врагов, его политическая база была весьма узкой, слишком часто он уже угрожал отставкой, состояние его здоровья ухудшилось. Кроме того, его политику никак нельзя назвать успешной и просвещенной: в отношении нерусских народов он проявлял значительно меньше стремления к гибкости и готовности к компромиссу, чем в области социально-экономической стратегии. Эти народы никогда не разделили бы его идеи "Великой России". Он не мог добиться примирения. Рано или поздно произошли бы острые конфликты и, вероятно, взрыв. Говоря коротко, надежды на Столыпина основываются на слабом фактическом материале.

Еще более ошибочными представляются в ретроспективе надежды на последнего царя. В момент прихода к власти это был обаятельный молодой человек приятной внешности, неагрессивный и стеснительный. Внешне невозмутимый, внутренне он был нерешительным и не отличался слишком блестящими способностями. Он обожал жену и любил свою семью. Если бы он просто был представительной фигурой, как некоторые его европейские кузены, он, вероятно, играл бы свою роль блестяще. Несчастье состояло в том, что он вступил на трон в эпоху кризиса, а также в том, что он убедил себя (к этому толкала его и царица) играть активную, даже главную роль в российской политике. Для такой роли он был совершенно непригоден: правление Николая началось с катастрофы и ею же закончилось. Самое лучшее, что можно о нем сказать в исторической ретроспективе — это то, что он был слабым человеком с благими намерениями, окружившим себя плохими советниками. Страшное убийство царя и его семьи — преступление по любым стандартам. Но Николай был не более святым (каким он стал в глазах правых), чем любой другой политический лидер³.

Обстоятельства убийства царской семьи недостаточно выяснены до сего дня. Поскольку они продолжают играть важную роль в мышлении "русской партии", следует дать хотя бы краткое их описание.

Сообщения, опубликованные большевиками сразу же

после события, были явно лживыми: царь казнен в Екатеринбурге 16 июля 1918 г., семья переведена в более безопасное место. Более подробные отчеты, опубликованные как белым следователем Соколовым, так и советским автором Быковым, сходятся в основных деталях: вся семья царя, а также некоторые другие лица были убиты в тот день в Ипатьевском доме⁴. Однако в подвале дома и поблизости от него не было обнаружено никаких останков людей, и вскоре распространились слухи, что по меньшей мере один из членов семьи (знаменитая Анастасия), а может быть, и больше чудом избежали гибели. Такой фольклорный мотив часто возникал в русской истории вслед за смертью императоров. Можно с уверенностью сказать, что бежать не удалось никому. Однако по ряду главных вопросов были и несоответствия: кто и почему отдал приказ о казни и кто его выполнил.

Похоже, местное советское руководство опасалось, что царь будет освобожден белой армией, шедшей в то время в наступление. Столь же возможно, что приказ был отдан Москвой. Но даже если так, маловероятно, что инструкция была дана Свердловым, как гласит версия правых. Дело такой важности было бы согласовано с Лениным, а то и со всем Политбюро. Троцкий, в частности, ответственным быть не мог: он находился на фронтах гражданской войны. Согласно версии правых, приказ шел по линии Свердлов — Голощекин (глава местной ЧК) — Юровский, командир отряда, несшего тюремную охрану царской семьи. Все трое были евреями, а на стене комнаты была обнаружена неточная цитата из Гейне:

*Balsazar war in selbiger Nacht
von seinen Knechten umgebracht*

(“В ту же ночь Бальтазар был убит своими рыцарями”).

Согласно официальной версии, Юровский — главное действующее лицо драмы, был “старым большевиком”. Однако дальнейшие исследования показали, что в том же году, в котором он якобы вступил в партию, он обратился в Берлине в христианство, а затем пытался сколотить не-

большое состояние коммерцией. Это явно не соответствует образу “старого большевика”. Столь же серьезные расхождения имеются по поводу личности отдельных охранников⁵. По одним источникам, это были латышские стрелки, по другим — австро-венгерские военнопленные; по одним отчетам, они были эсерами, по другим — беспартийными.

По сообщению Брюса Локкарта, известного британского агента в Москве, в то время народ не проявил никакого интереса к судьбе царя. Однако для крайне правых его убийство остается вопросом решающей важности — не столько актом мести, сколько ритуальным убийством. Эта тема все время муссировалась всей эмигрантской прессой, а после 1987 г. — и в России.

Если Октябрьская революция была абсолютным бедствием, то как оценить предшествующую ей Февральскую революцию и отречение царя?

Многие монархисты и правые соглашаются, что здесь таится источник всех зол и всей ответственности за последующие события. Однако в начале 1917 г. царский режим был полностью дискредитирован и по существу находился в изоляции от общества. Не только Милюков нападал на режим в беспрецедентно резкой речи, рассматривая его как предательский, но и Пуришкевич, глашатай крайне правой, столь же зло оценивал состояние дел. Если правая вслед за Солженицыным пытается внушить, что Февральской революции не должно было произойти, это не означает, что по-прежнему могла бы продолжаться линия верхов, в которой явно отсутствовала цель.

Только крайне правые безоговорочно осуждают отречение царя. В годы гласности возник значительный интерес к гражданской войне, и многие основные публикации того времени — воспоминания Деникина, романы Краснова и “Архив русской революции” (впервые опубликованный в Берлине в 20-е годы) были переизданы в Москве. Если национал-большевики стремились к уравновешенному подходу, пытаясь найти и доброе и злое в обоих лагерях гражданской войны, то традиционная правая после устранения коммунистической цензуры полностью отождествила себя с белыми и не находит у красных ничего кроме ошибок и преступлений.

Ранее они даже намеком не отваживались на подобное. Было ли это вопросом отмены цензуры или в их рядах произошло подлинное переосмысление событий после 1985 г.? Многие из них, включая редакторов ведущих правых изданий, были ранее членами компартии. Есть основания полагать, что они вступили в нее не только для того, чтобы принять защитную окраску и продвигаться в карьере. Иными словами, у некоторых из них возможно подлинное обращение или, по меньшей мере, радикализация взглядов. Они не отрицают, что белые также проводили террор, хотя им представляется, что масштабы его были гораздо меньше, чем террора большевиков, которые первыми стали осуществлять массовый террор.

Почему же белые потерпели поражение в гражданской войне⁶? Произошло ли это потому, что коммунисты были более беспощадны и более едины? В какой-то момент, в октябре 1919 г. казалось, что белые вот-вот победят. Чем же объясняется их внезапное крушение? Очевидный ответ: большинству крестьян было явно не по душе, что крупные помещики вернуться и потребуют обратно уже розданную крестьянам землю. Не по душе возвращение старого было и нерусским народам, составлявшим около половины населения страны и отнюдь не увлеченным лозунгом "единой и неделимой России". Были и другие причины, но и этих было вполне достаточно, чтобы весьма затруднить возможность победы белых армий. Позднее белые возглашали, что их целью была не просто контрреволюция, а возвращение прежнего порядка вещей. Однако их политические цели никогда не были разъяснены достаточно четко за исключением их враждебности большевизму, что резко ограничивало их привлекательность.

Керенский и Милюков, соответственно глава и министр иностранных дел Временного правительства, были анафемой для русских монархистов в эмиграции, и после 1987 г. положение не изменилось. В этих кругах не симпатизировали партиям центра, отстаивавшим парламентскую демократию, не говоря уже о социальной

демократии. С наступлением гласности русская правая вновь открывает для себя наследие русской эмиграции и в какой-то мере реанимирует его и принимает на вооружение. Начало этой тенденции прослеживается примерно на десятилетие ранее: с конца 70-х годов в Советском Союзе возобновляется интерес к эмиграции и просматривается явное желание реабилитировать хотя бы некоторых политических противников шестидесятилетней давности⁷.

Можно указать на некоторые отчетливые параллели между духом реабилитации, проведенной коммунистами до эпохи гласности, и взглядами крайне правой. Обе стороны не были заинтересованы в реабилитации либералов, левых или этнически нерусских эмигрантов⁸. Их общим знаменателем был русский патриотизм. Не имело значения, что большинство либералов и меньшевиков были последовательными врагами фашизма и сталинизма, а справа, в противоположность этому, наблюдались частые колебания в обе эти стороны: среди тех, кто вернулся в СССР после 1945 г. или хотя бы выразил готовность сотрудничать со сталинской Россией, было весьма немного демократов. Важным отличием "реабилитации", предшествовавшей 1985 г., был интерес преимущественно к первой волне эмиграции — к тем, кто покинул Россию в годы революции и гражданской войны, тогда как сотрудничавшие с Германией во время войны или покинувшие страну в период второй мировой войны по-прежнему считались предателями, не достойными прощения. В ходе реабилитации при Брежневе расточались комплименты выдающимся деятелям культуры, например, Стравинскому, политические взгляды которого были не слишком известны, но убежденные антикоммунисты оставались за чертой признания.

Позиция правых после 1987 г. оказалась иной. Приветствовались даже крайние антикоммунисты-эмигранты. Среди правых возникли разногласия по поводу таких фигур как генерал Власов, который для некоторых консерваторов, в особенности для ветеранов войны, остается предателем. Шли долгие, так и не завершившиеся споры относительно его исторической роли⁹. В этом от-

ношении непоследовательной была и позиция ведущих правых журналов. С одной стороны, они резко осудили повесть Д. Гранина "Зубр", посвященную ведущему генетику (не политику), который был в 20-е годы послан в Германию продолжать свои работы и решил остаться там при Гитлере, когда оказалось, что значительная часть его родных погибла во время сталинских чисток (он был захвачен советскими войсками в 1945 г., ему разрешили продолжать работу в лабораториях Гулага, а затем полностью реабилитировали). Но те же журналы широко прославляли эмигрантских политиков, сотрудничавших с нацистами по свободному выбору, а не по необходимости.

На какое культурное наследие опираются правые?

Подобно большевикам восемьдесятю годами ранее, новая русская правая ставит вопрос о том, какую часть культурного наследия следует принять, а от чего отказаться. Более просвещенные правые стараются закинуть сеть как можно шире, безумные маргиналы стараются отлучить, в сущности, всех, кто не принадлежал к черной сотне. А поскольку не так уж много деятелей культуры к ней принадлежало, наследие, оставшееся у них, весьма мало, хотя в него включены кое-какие забытые писатели вроде Шабельской и Крестовского¹⁰.

С общего согласия Пушкин, Лермонтов и Гоголь считались неотъемлемой частью культурного наследия России. Нерусское расовое происхождение Пушкина не принималось во внимание и некоторые его (и Лермонтова) стихи, представлявшиеся непатриотичными, объявлялись апокрифами. Величайшим из русских писателей и мыслителей признавался Достоевский, все его юбилеи пышно отмечались. Отношение к Толстому нельзя назвать отрицательным, но оно намного холоднее: своими произведениями он подрывал власть царя и церковь, он был пацифистом, не питавшим никакого интереса к исторической миссии России и проявлявшим другие нездоровые тенденции.

Такие же настроения преобладали в отношении к Тургеневу и Чехову: они не нежелательные личности, но они слишком вдохновлялись Западом и мало сделали для воспитания русского народа в духе патриотизма.

Когда дело доходит до XX века, положение ухудшается еще больше. Для многих правых Есенин — объект величайшего поклонения. Он выглядит для них весьма привлекательно: молодой человек безупречного крестьянского происхождения, в юности — пастух. Он обладал большим талантом, а после смерти его подвергли остракизму в Советском Союзе. То, что он критиковал американский образ жизни и предвещал "падение небоскребов", также сближает его с правыми. Он воспевал русскую деревню, жатву, мирные ландшафты, Иисуса и Деву Марию, идущих по полям. Но Есенин был также "плейбоем" и хулиганом, певцом проституток и пьяных драк, автором кошунственных стихов о Христе.

Есенин приветствовал революцию, но позднее писал, что чувствует себя чужим в родной стране. Подобно Маяковскому, он покончил с собой; и так же, как в случае с Маяковским, по сей день ходят легенды, что он был убит или, по крайней мере, его подтолкнули к самоубийству¹¹. Как и во многих других случаях, немалая вина приписывается здесь Троцкому, хотя Троцкий ценил талант Есенина и был одним из его доброжелателей среди вождей коммунистов.

Подобно тому как большевики молились на рабочий класс, русская правая обожествляет крестьянство. Крестьянство — единственный подлинный носитель и заступник Русской идеи. Все прочие классы — паразиты или, в лучшем случае, — ненадежные союзники. В этом контексте культ Есенина в лагере новой русской правой не вызывает удивления: именно таковы были идеи самого Есенина и его наставника Клюева (преимущественно крестьянского автора), когда в канун первой мировой войны они штурмом овладели литературным Петербургом.

Насколько подлинным был этот "стиль рюсс"? Был ли он непосредственно деревенского происхождения?

Нет, явно присутствовал в нем элемент поддельной сельской простоты. Как отмечал впоследствии Ходасевич, родился этот стиль не в березовой роще, а в отдельном кабинете французского ресторана в Петербурге: "немножко православия, немножко сектантского самобичевания, немножко революции, немножко шовинизма..."¹².

Со стороны крайне правой делались попытки привлечь к своей идеологии и некоторых других великих поэтов XX века. Да, А. Блок писал о Куликовской битве, и в его стихах присутствуют элементы славянофильства. Он верил в грядущий апокалипсис и по меньшей мере однажды написал, что он "ненавидит буржуазию, дьявола и либералов". В том же стиле высказывался он по поводу старого, умирающего мира западной цивилизации, что еще больше сближает его с "истинными патриотами". Но само его имя показывает, что он не был чисто русского происхождения; к тому же он страдал от распространенной тогда "мировой скорби" и мизантропии ("человек внушает мне отвращение, жизнь страшна"). Кроме того, он симпатизировал эсерам, и в одной из своих поэм, публикуемой во всех советских антологиях, выразил симпатии революции.

Андрей Белый, еще один из ведущих поэтов своего времени, писал о возрождении Христа в России, о "России, России, России — Мессии грядущего дня" и отвергал "бездушный материализм". Но при этом он был последователем Рудольфа Штайнера и теософии, которая в фольклоре правых так же предосудительна как масонские заговоры.

В итоге они остаются с некоторыми неплохими авторами вроде Волошина, Клюева и Хлебникова, которые, однако, не принадлежат к величайшим представителям русской литературы. Клюев (1887-1933 гг.), первый крестьянский поэт, несомненно был националистом, равно как и Хлебников. Но если у первого было слишком много эротизма, то у второго было слишком много модернизма, чтобы сделать их совершенно пригодными для патриотической индоктринации. Наиболее известный из оказавшихся в эмиграции писателей Бунин широко почи-

тается по всем линиям политического спектра, но он "слишком холоден", он критически отзывался о русском крестьянстве и не любил Достоевского. Бальмонт и Сологуб при всех их достоинствах многие годы принадлежали к школе, называемой русским декадансом. Остаются Иван Шмелев и Игорь Северянин — политически приемлемые, но не относящиеся к авторам высшего класса.

Самое парадоксальное, что остаются также два советских писателя — Шолохов и Леонид Леонов. Однако Шолохов был прежде всего фигурой из истеблишмента, хотя некоторые его произведения долгое время не могли быть опубликованы. Он более реалистично, чем многие его современники, описывал коллективизацию сельского хозяйства, однако в конечном счете он ее принял и одобрил. Его поведение в отношении диссидентов, таких как Солженицын, показывало, что у него или нехватало характера и мужества, или же что он полностью солидаризировался со всеми выходками политического руководства страны. Кроме того, "Тихий Дон" настолько превышает в литературном отношении другие произведения Шолохова, что его авторство оспаривалось, и споры не стихают по сей день.

Лучшие произведения Леонова были написаны в 20-е годы, в бытность его "попутчиком" коммунистов; в дальнейшем он пишет в полном согласии с партийной линией, и хотя встречаются у него следы воздействия Достоевского, патриотизм Леонова полностью соответствует официальной идеологии его времени.

При всех их идейных слабостях на этих (и на ряд других) авторов русская правая предъявляет свои претензии, хотя и выборочно. Но все это не может объяснить, что же все-таки на самом деле представляет собой "русскость", победы какого рода русской культуре желает русская партия. Верно, что в свое время славянофилы писали на эту тему, но их видение относится прежде всего к прошлому, да и высказывания Достоевского по тому же предмету укоренены в прошлом веке. Некоторые современные русские писатели доказывают, что в прошлом жизнь в России, и в особенности в русской деревне, была

более гармоничной нежели теперь, но и они соглашались, что мир прошлого невосстановим.

Каково же послание правой нынешнему времени? Парадоксально, но большая часть написанного и продуманного на русскую тему исходит не от правых, а из либерально-патриотического лагеря — от Бердяева, Федотова и Лихачева, и по ряду причин все это совершенно неприемлемо для крайне правой. Бердяев писал о крайне правом национализме как о чем-то, что вдохновляется варварством и глупостью, язычеством и аморальностью, восточной дикостью и темнотой, как о разгуле старорусской распущенности¹³.

Пытавшиеся в последнее время дать определение русского патриотизма не произвели ничего, кроме банальностей. По Шафаревичу, патриотизм — осознание особых ценностей и инстинкт сохранения национальной идентификации. Следовательно, умирание патриотизма — наиболее точный показатель начала конца народа, превращения его из живого организма в мертвую машину. По Распутину, русскость (подобно германскому и французскому духу) — это попросту общее направление, которое нация приобретает с достижением ею зрелости. Такое направление может быть художественным, религиозным или прагматическим. Но сверх всеобщих человеческих ценностей каждый народ имеет нечто свое, особое, и он призван развивать и оплодотворять то особое, к чему у него есть склонность¹⁴.

В этих идеях нет ничего специфически русского — это заимствования из Гегеля и в особенности из Гердера; последний, впрочем, имел в виду не политические, а культурные традиции. Попытки определить некую русскую специфику обречены на неудачу, ибо в каждый данный момент существует более чем один "национальный характер" и более чем одна национальная идея, которые к тому же неизбежно меняются со временем.

В интересной попытке определить некую русскую особенность Федотов говорит о "лишних людях", странниках (скитальцах), а также о строителях, о московском и западном типе русского, о неограниченной вольности и

сектантском бунтовществе, о грусти и детскости, о религиозности и многих других качествах, для которых невозможно найти общий знаменатель¹⁵.

Почему же так важно определить, что такое русская особенность? Трудно найти значительного французского или британского мыслителя, который уделит бы много времени и усилий такому занятию относительно своей нации. Специфически французское очевидно и понимается инстинктивно, оно не нуждается в определениях и разъяснениях. Единственная крупная страна, где время от времени усиленно занимались поисками национальной идентификации, — Германия, да и там результатом были не слишком помогающие делу случайные речения вроде знаменитой вагнеровской фразы: "Быть немцем означает делать что-нибудь для самого себя".

Такие отчаянные поиски точного определения национального тождества (и предназначения) могут быть весьма точным признаком слабости и неуверенности народа, который или лишь недавно достиг полной независимости, или же по каким-либо причинам уверовал в то, что его прошлые свершения на сцене мировой истории не могут сравняться со свершениями других народов, которые полагают, правильно или ошибочно, что их предназначение не сбылось. Это свидетельство неудовлетворенности своей историей. Русскость, как отмечают критики, не имеет современного содержания — она связана с тоской по прошлому, нередко — весьма отдаленному¹⁶. Здесь явно возникает опасность затеряться в мифах отдаленных веков. Хотя у русских нет ничего сопоставимого с Нибелунгами, и у них хватает рыцарей в блестящих доспехах — разных Мстиславов и Ростиславов, деяния которых описаны в эпосе раннего средневековья. Когда француз (или итальянец) говорит о своей стране, он обычно называет ее "прекрасной Францией" (Италией), англичанин говорит о "веселой (или "доброй") старой Англии", немец говорит о "немецкой надежности". Только русские националисты обращаются не к эстетическому, этическому или политическому идеалу, а к идеалу морально-религиозному — "Святая Русь"¹⁷.

Экономические взгляды русского национализма

Русская правая обычно мало интересуется экономической политикой. Неприязнь к существующему она демонстрирует постоянно, но вряд ли можно найти в ее идеологии какие-либо реальные альтернативы. В известном письме 74 писателей и деятелей культуры (1990 г.), одном из основных манифестов русской правой, много говорится о нацизме, сионизме, русофобии, патриотизме и т.п., но нет ни единого упоминания о национальной экономике — и это в период ее глубокого кризиса¹⁸.

То же справедливо для многих консервативных движений во всем мире, и то же относится к фашизму. Но есть здесь и существенные отличия. Консервативное сопротивление индустриализации не было на Западе таким мощным, как в России. И проблемы индустриализации там не были настолько острыми, что временами приходилось начинать все сначала. В царской России большинство консерваторов выступало против индустриализации, против возникновения класса промышленников, предпринимателей и банкиров, в котором они справедливо видели опасность для своего образа России. Правые, конечно, сознавали, что основная поддержка царизму идет из сельской местности. Они правильно предвидели, что расширение экономической свободы рано или поздно приведет к расширению политической свободы, чего они боялись. Если уж Россия должна развиваться и модернизироваться, то это должна делать бюрократия. Однако у государства нет ни технической компетенции, ни средств для выполнения этой задачи, оно может лишь осуществлять надзор за развитием, поддерживать его или тормозить. Роли предпринимателя и инвестора оно играть не может. Поэтому именно буржуазия, а не рабочий класс, стала главным врагом консерваторов, призывавших к созданию единого фронта против "капиталистической эксплуатации". Однако в деревне этот призыв не имел существенного отклика, а в городах — вообще никакого.

Антикапиталистические взгляды русской правой до

1914 г. по-прежнему сохраняют интерес, ибо ее мотивы и доводы и по сей день остаются теми же: рынок, капиталистическая система непригодны для России. Это излагается на различных уровнях "научности". Геннадий Шиманов, лидер крайне правой до перестройки и в годы перестройки, доказывает, что капитализм, от времен Ветхого Завета и до Ротшильдов и далее, — еврейское изобретение; евреи изобрели также и коммунизм. Их главенство над мировыми финансами — ключ к их господству над миром¹⁹.

В дискуссиях менее эмоциональных доказывается, что Россия не пригодна для капиталистической системы просто потому, что русская этика является не протестантской, не кальвинистской, даже не католической, а православной²⁰. В качестве свидетелей обвинения выступают Макс Вебер, Зомбарт и даже Тойнби. Более высокое качество японских товаров по сравнению с товарами христианского Запада объясняется выживанием и силой национальных традиций в Японии. Поскольку психология и моральные ценности русских отличаются и от Запада, и от Востока, капитализм в России в любом случае обречен на неудачу. Он просто превратит Россию в страну третьего мира.

Короче говоря, рынок — не панацея от болезней России, а ловушка. Какое же средство есть у консерваторов для поправления дел в хозяйстве? Напрасны поиски ясного ответа в трудах Михаила Антонова и Сергея Кургиняна, наиболее известных правых публицистов эпохи перестройки. Антонов прославился примерно 25 лет назад как деятель христианского диссидентства. Он пишет работу о социальном учении славянофилов и отстаивает нечто вроде деиндустриализации России и перевода главных производств в Сибирь (сибиряки встретили эту идею без особого удовольствия).

Антонов был членом компартии, но, по его собственным словам, в середине 60-х годов пришел к выводу, что марксизм — доктрина глубоко чуждая русскому народу²¹. На самом деле, обращение произошло, по-видимому, несколько позднее, ибо в 60-е годы Антонов еще

провозглашал, что "сочетание русского православия и ленинизма сможет дать русскому народу мировоззрение, способное синтезировать его вековой опыт как нации"²². Оказывается, не только советские либералы, но и многие правые продолжали претендовать на Ленина и ленинизм вплоть до 1988 г. и даже позже. Они сопоставляли хорошего Ленина с плохим Троцким, презиравшим и ненавидившим русский народ.

Антонов побывал в заключении, но в конце 70-х годов был реабилитирован. На заре гласности он опубликовал ряд больших программных, неплохо написанных работ в основных консервативных журналах ("Молодая гвардия", "Наш современник").

В какой-то степени его критика была хорошо аргументированной, например в отношении неисправного экологического ущерба, нанесенного форсированной индустриализацией. Но на эти темы много писали и раньше, а когда дело доходит до практических предложений, наш автор явно не знает, что делать. Он доказывает, что России, вероятно, не следует стремиться к уровню жизни, сопоставимому с западным или зарубежным дальневосточным. И в этом нет особого несчастья, ибо русские идеалы и ценности не таковы, как на Западе (или в Японии) — они духовного, а не материального свойства. Русскому сердцу ближе аскетическая жизнь, нежели западное общество потребления. Русским рабочим и крестьянам следует внушить эти забытые идеалы, бюрократия должна быть очищена от проникших в нее преступных элементов. В результате производительность в хозяйстве страны повысится и уровень жизни возрастет. По мнению Антонова, экономические трудности являются скорее моральной, нежели хозяйственной проблемой.

Антонов весьма почитался правыми. В 1989 г. он стал руководителем новой организации, призванной хранить русские культурные традиции. Но его идеи не были приняты всерьез даже единомышленниками. Н.Н.Лысенко, председатель Республиканской народной партии, назвал их "буколически-православно-моральной экономикой", говоря о том, что вряд ли русские рабочие с энту-

зиазмом отнесутся к призывам работать больше и тяжелее или стоять в очередях за плохими товарами в результате патриотической индоктринации²³.

Сергей Кургинян приобрел известность как автор столь же длинных статей, а также как редактор книги под титулом "Постперестройка", в которой он обнаруживает немалую литературную эрудицию. В одной статье он цитирует не только Шекспира, Гете и Достоевского, но и Шпенглера, Тойнби, Геделя, Сведенборга и Якова Беме. По профессии он актер и продолжает работать режиссером московского экспериментального театра "На досках", а также имеет ученую степень. В период гласности Кургинян стал главой московской политологической группы Центр экспериментального творчества, имеющей некоторое влияние; его работы цитировал бывший премьер Павлов и другие высокопоставленные коммунистические руководители²⁴.

Как и у Антонова, сильной стороной Кургиняна является критика, в основном направленная против советников Горбачева и Ельцина и их иностранных помощников. И, как и у Антонова, напрасно искать у Кургиняна подробных конструктивных разработок и альтернативных концепций. Точнее говоря, они имеются в избытке, что может привести читателя в растерянность. В противоположность Антонову, Кургинян называет свой подход неоконсервативным и неотрадиционалистским, и ярлык авторитаризма не пугает его.

Будучи патриотом-технократом, Кургинян считает положение крайне плохим и полагает, что народу следует сказать правду об этом. Однако модернизацию следует осуществить, не впадая в зависимость от иностранных кредитов. Разумеется, это можно сделать только при сохранении решающей роли государства в хозяйстве страны, при насаждении сверху дисциплины и немалой дозы индоктринации. Но поскольку Кургинян, в отличие от Антонова, не является русским по национальности, словянофилы не столь привлекательны в его глазах, и отстаиваемый им патриотизм это государственный патриотизм; государство, а не народ является высшим авторитетом.

Кургинян — непревзойденный мастер разработки сценариев, которые свидетельствуют о творческом складе и, временами, — об острой наблюдательности, но ни в коей мере — о логике и последовательности. В одно и то же время он проповедует модернизацию советского общества и внедрение самой современной техники и... возврат к социальным учениям раннего христианства и ислама. Он предлагает проводить перестройку на основе монастырско-аскетической метарелигии, сочетающей духовный коммунизм и христианство (как традиционного, так и тейардианского толка), а также русский патриотизм, антизападничество и идеологии третьего мира, и на основе консолидации всех здоровых сил общества. Кургинян находит образцы в поселениях русской религиозной секты духоборов и в казачьих общинах. В 1990-1991 гг. сценарии Кургиняна приобрели поклонников среди коммунистов, государственной бюрократии и в органах безопасности. Однако критики высмеивают его как шарлатана, поставляющего фантастическую и абсолютно неудобоваримую смесь технократического прагматизма, коммунизма и шовинизма²⁵.

Взгляды Кургиняна вызвали резкую критику и в крайне правых кругах. На него нападали как на ложного пророка, защитника государственного капитализма, который игнорирует духовные возможности русского народа и, вообще говоря, проповедует масонско-еврейско-мондиалистские взгляды. В ходе этой полемики отстаивались теории нацистской экономической политики.

"Решающим фактором широкой поддержки нацистской идеи было крайнее озлобление немецкого народа, вызванное тотальной сионизацией немецкой печати и разрушением немецкой экономики, к которому привели злобные махинации жидо-масонов, коммунистов и социал-демократов всех мастей.

Ошибка Гитлер совершил, когда он поддался влиянию сионистов и решил осуществить свои амбиции путем территориальной экспансии"²⁶.

Разумеется, наиболее влиятельным стал призыв к преобразованию России, исходивший от Солженицына.

В одном важном пункте он отличался от Антонова и Кургиняна: он спокойно признал, что, не будучи специалистом по экономике, он не может дать рецепта перехода от государственной собственности к частному предпринимательству²⁷. Солженицын соглашается с другими консервативными авторами, что было бы преступной и опасной ошибкой продавать иностранцам минеральные богатства России и ее леса. Было бы неверным также позволить неограниченную концентрацию капитала, что может привести к какой-то новой форме монополизма. Было бы столь же пагубным, если бы давление мотивов прибыли стало слишком сильным, ибо это отрицательно скажется на духовном здоровье общества.

Солженицын противится приложению иностранных экономических моделей к России, однако он соглашается, что семьдесят лет индоктринации, уверявшей, что иметь собственность и нанимать работников — зло, крайне отрицательно сказались на благосостоянии русского народа. Солженицын высказывается за поощрение малых предприятий и возлагает надежды на русское умение работать, которое проявится с исчезновением правительственного ярма. Если японцы сумели создать сильную экономику, опираясь на высокую трудовую мораль, то и Россия способна преуспеть в этом.

Националисты-экстремисты нападали на Солженицына за то, что в одной из своих ранних книг он поддерживал некий тип "морального социализма", тогда как социализм — дьявольское изобретение, корни которого в зависти, а не в моральной глубине христианства²⁸.

Каковы бы ни были воззрения Солженицына двадцать лет назад, и Антонов и Кургинян сняли свои социалистические ярлыки намного позже. Антонов еще в 1989 г. заявлял, что его организация будет приветствовать только социалистические формирования и лиц, поддерживающих политику перестройки, проводимую коммунистической партией²⁹, а Кургинян поддерживал некие формы национального или государственного социализма. Национал-большевики правой шли еще дальше, пытались привлечь Ленина (демократа, врага бюрократии и архи-

тектора бесклассового общества) к перестройке России, как они ее понимали³⁰.

Как среди либералов, так и среди правых нет единодушия в отношении экономической политики. Все правые соглашаются, что перестройка потерпела поражение, что только уголовники, спекулянты и прочие деструктивные элементы выиграли от тех возможностей (пусть ограниченных), которые открылись при Горбачеве³¹. В этих кругах слово "кооператор" стало синонимом вора, и без доказательств принимается, что мафия правит хозяйством страны. Может быть, такая оценка ситуации не полностью беспочвенна, но она оставляет открытыми главные вопросы, по которым среди правых нет согласия: является ли приватизация в принципе ошибочной или же все дело в поспешности и непоследовательности ее проведения³².

Вся русская правая соглашается, что сталинская коллективизация была гигантской катастрофой, приведшей к разрушению традиционной русской деревни. Немалая часть вины приписывается Яковлеву (Эпштейну), партийному лидеру еврейского происхождения, который на самом деле играл здесь второстепенную роль: он не был членом Политбюро. Можно было полагать, что тот момент, когда на селе вновь станет возможной независимая инициатива, будет приветствоваться правыми. Ничего подобного не произошло. Как в 1906 г. правые выступали против столыпинских реформ, разрушавших общину, так и в 1990 г. они усмотрели в происходящем ту же опасность. Анатолий Салуцкий, правый публицист еврейского происхождения, приобрел печальную известность бесконечной серией статей, в которых он обвинял одного из реформаторов, академика Заславскую, в содействии разрушению русской деревни в 70-е годы. Однако когда возникли другие возможности, Салуцкий не оказался среди тех, кто поддержал приватизацию в сельском хозяйстве; таких как он было немало³³.

Весьма поучительно сопоставить экономическую доктрину нацизма (и германской "консервативной революции" 1929-1933 гг.) и идеи русской правой. И те и другие

верят в примат политики над экономикой, и те и другие в какой-то степени антикапиталисты — во всяком случае, доктринально. Ранняя нацистская экономическая доктрина, созданная Федером и отброшенная впоследствии, предусматривала смертную казнь для ростовщиков и деятелей черного рынка (параграф 12 нацистской программы) и национализацию всех "трестов" (параграф 13). Сельскому хозяйству отдавалось предпочтение перед промышленностью, а банки рассматривались как нечто подозрительное. Слова Василия Белова ("Все впереди") о "традиционной русской деревне как хранительнице национального очага", — дословное повторение написанного Гитлером в "Майн кампф" о здоровых духом группах мелких и средних крестьян как постоянном средстве предупреждения всех социальных болезней³⁴.

Это не совсем ошибочная идея, но главная трудность состоит в том, что на волне революции в сельском хозяйстве традиционная деревня исчезает. Ранняя нацистская доктрина была основана на фантазиях об "уничтожении рабства на низших уровнях" и различия "производительного" (промышленного) и "паразитического" (финансового) капитала. Эти лозунги были чистой демагогией, и после 1933 г. они были потихоньку сняты. И нацисты, и германские революционные консерваторы верили в частную инициативу и частную собственность, отводя в то же время государству большую роль в национальной экономике, чем оно играло ранее. В каком-то смысле это был германский вариант кейнсианства. В канун переворота нацистская экономическая программа преодоления кризиса была вполне реалистичной, она доказала свою относительную успешность и позднее дала нацистам немалый политический кредит³⁵.

Есть, однако, одно коренное отличие: проблема, которая стояла перед нацистами, состояла в том, чтобы сдвинуть с места экономику, которая находилась в застое. Инфраструктура была на месте — заводы, умелая рабочая сила, сеть коммуникаций. Перед русской правой стоит несравненно более трудная проблема — сменить систему, которая доказала свою непригодность. Возвраща-

жение к прошлому оказалось в Германии возможным с небольшими изменениями. В России, если это и представляется возможным, то лишь в качестве паллиатива и то на короткий срок.

Новая русская правая

В 1990 г. в русской печати впервые появились упоминания о "новой русской правой" или русских "неоконсерваторах". Одним из первых использовал этот термин Александр Проханов; использовали его и упомянутые выше Сергей Кургинян и Александр Дугин. Проханов начал свою литературную карьеру среди либералов: ему покровительствовал Юрий Трифонов. Позднее он стал восхищаться армией и написал несколько книг о кампании в Афганистане, за которые он получил прозвище "солвь Генштаба". Человек большой энергии и поразительной литературной производительности, он постепенно выдвигается в первые ряды организаторов и распорядителей литературной жизни. При поддержке Главного политического управления армии он начинает издавать еженедельник "День" — противовес либеральной "Литературной газете". После поражения путча 1991 г. "День" стал выходить с подзаголовком "газета духовной оппозиции". О продвижении Кургиняна с работы актера и режиссера на роль главы московского центра, специализирующегося на научной прогностике, уже упоминалось выше; Дугин, вначале бывший членом "Памяти", определяет себя как "метафизика и геополитика"³⁶.

О новой правой писать нелегко: она только зарождается; когда участников новой правой называют неоконсерваторами, следует помнить, что у них нет ничего общего с тем, что обычно подразумевается под этим термином в США. С другой стороны, они свободно черпают идеи от французской "новой правой". Несомненно, русские новые правые — русские патриоты, выступающие за сильную Россию. Они антилибералы и антидемократы и не испытывают никакой симпатии к тому, что они считают слащавыми излияниями насчет гуманизма и прав

человека³⁷. Согласно Проханову, в десяти заповедях нет ни слова о правах человека; идея эта, впрочем, вызвала возражения других читателей того же текста (а как же "не убий"?).

В противоположность старой правой, для которой они не видят будущего, новые правые меньше интересуются прошлым: они сосредоточивают свое внимание на проблемах внутренней и внешней политики России. Они считают диктатуру важным фактором выживания страны; они выступают за сильный централизованный государственный аппарат и мощные силы безопасности. Они не отбрасывают рынок с порога, однако считают, что еще долгое время государство будет играть решающую роль в возрождении и преобразовании страны. Они полагают, что традиционные увлечения крайне правой сатанизмом, жидомасонским заговором и т.п. мало соотносятся с современным миром, и хотя они отдают должное церкви, они не считают ее важным союзником. Старая партократия предпочтительнее новых либералов, однако нужны новые идеи, чтобы заменить марксизм-ленинизм (и русский национализм старого образца), и именно они призваны впрыснуть обществу новые идеи.

Дугин и Проханов восхищаются Аленом Бенуа и французской новой правой, которую они рассматривают как эквивалент русского почвенничества. Они разделяют увлечение французских правых ранними церквями, Юнгом (в той мере, в какой они его знают), натурфилософией, основанной на мистической религиозности, и некими утонченными формами расизма. Они полагают, что евразийская школа мышления, к которой принадлежит русская новая правая, имеет много сходства с французской новой правой.

Поскольку за пределами Франции о доктринах новой правой известно весьма мало, следует хотя бы вкратце остановиться на их основах. Бенуа, ведущий идеолог группы, подчеркивает важность функций аристократической элиты, которая состоит из "героических политических борцов" (одна из побочных идей Джулиуса Эволя). У Конрада Лоренца заимствована концепция аг-

рессии и территориального императива как нормального человеческого качества, подчеркивается также иерархичность общественных структур. Они придерживаются неоязычества, считая его более духовным, нежели иудеохристианский монотеизм, который ведет к уничтожению общества под прикрытием либерализма, демократии и, в конечном счете, социализма. Новая правая почти полностью отрицает просвещение и рациональное мышление, включая общепринятую логику.

Нацию они считают высшей ценностью; любое перемешивание или интеграцию рас они рассматривают как крайнее зло, ибо это ведет к вырождению и "этноциду" (народоубийству), что является ключевым понятием новой правой во Франции, равно как в России и в Германии. Однако французская новая правая отрицает обвинения в расизме, ее пароль — "этноплюрализм". Политика ставится выше экономических соображений ("примат политики"), инстинкты и мистическая мысль — выше рационального мышления. Новая правая — антиинтеллектуалы и антикапиталисты, проповедующие "третий путь" между капитализмом и коммунизмом. Их лозунг — "консервативная революция", в противоположность традиционному реставрационному консерватизму. Новая правая настроена (или была настроена) прогермански и антиамерикански.

Знакомые с западной интеллектуальной мыслью найдут в идеологии новой правой следы влияния Ницше, Парето, Сореля и неумолимого Эвола, а также правых европейских мыслителей 30-х годов. Правые в Западной Европе возникают постоянно, причем ничего особенно нового каждая волна не выдвигает, и новинки подозрительны относительно свежести. "Этноплюрализм" может быть полезен как интеллектуальный аргумент против весьма неприятных обвинений, однако действительно ли новая правая верит в него? Если правая хочет быть политически активной (а в этом ее конечная цель), то ее призывы обращены явно к голосующим за различные "национальные фронты", для которых этноплюрализм — анафема. Правда, французская новая правая в целом не

исповедует классических теорий заговора и держится подальше от разных каддафи и фарраканов; но другие, менее утонченные европейские правые, включая русских, обходятся без этих нюансов и подчеркивают свою близость ко всем радикалам, не принадлежащим к левой.

Многое в этой французской смеси оказывается слишком тяжелой пищей для идеологов русской правой, потому что в России эта политическая традиция никогда не была представлена, но в последние годы они неразборчиво заимствуют от французов³⁸. Между тем во Франции мода на новую правую продолжалась всего несколько лет и ныне ее влияние столь же мало, как в Германии.

Есть ли у "революционных консерваторов" будущее в России?³⁹ Дугин верит, что время работает на "наших" и что новая правая в ближайшем будущем станет самой популярной и распространенной идеологией, что после победы в России она распространится и на другие европейские страны. Он заявляет, что прежняя правая доктрина устарела, возвращение к монархической системе или к славянофильству невозможно без идеологической метанойи⁴⁰.

Кроме того, прежняя правая бессмысленно снизила свою привлекательность ксенофобией. Действительно, среди "наших" (как их видит Дугин) есть не только русские, но и традиционалисты из малых народов, которые признают опасность сепаратизма, с одной стороны, и "мондиализма" — с другой⁴¹. Дугин, может быть, вполне прав, подчеркивая преобладающе консервативное настроение умов в России и других европейских странах, однако он явно переоценивает привлекательность новой правой как в Западной, так и в Восточной Европе. Гораздо вероятнее, что сдвиг политического маятника вправо укрепит силы популистов и ксенофобов, нежели влияние геополитических мыслителей новой правой. В спекуляциях на тему о традиционной общности идеалов, ценностей и интересов Западной Европы и России многое принадлежит к области фантазий и основано на невежестве⁴².

Кургинян и в особенности Дугин внесли свой вклад

в доктрины яростного антиамериканизма и прежде всего — в концепцию "чрезвычайного положения". Кургинян уверяет, что он всегда был идеологом "чрезвычайного положения", т.е. недемократических решений в политике. Но и это перепев идей Карла Шмитта, весьма эрудированного, но посредственного немецкого политического философа 20-х годов, который подробно анализировал слабости современной демократии, в особенности когда ей приходится сталкиваться с серьезными проблемами и катастрофами. Вряд ли Кургинян когда-либо читал раннего Шмитта, но Дугин явно читал: он полностью воспринимает шмиттовскую дихотомию "друг — враг". Во внешнеполитических вопросах Дугин — за континентальную империю от Владивостока до Дублина, которая может быть противовесом Америке и атлантизму. Америка — прежде всего враг: это химера, неорганичная, насажденная цивилизация, у которой нет священной государственной традиции, собственной цивилизации, и которая все же пытается навязать другим континентам свою антиэтническую, антитрадиционалистскую, "вавилонскую" модель⁴³.

Похоже, Дугин, как и большинство других идеологов крайне правой, не бывал в Америке: это, несомненно, облегчает ему общее теоретизирование по столь сложным вопросам. Идеи эти не новы, они подробно высказаны немецкой крайне правой 30-х годов. Русская новая правая часто взывает к таким понятиям как "геополитический" и "мондиалистский", хотя их толкование абсолютно неясно. Проханов однажды упоминал об Америке как о вечном враге России, но, подобно Кургиняну, он считает внутренние дела более срочными на нынешнем этапе⁴⁴. Русская новая правая, возможно, когда-нибудь станет влиятельной. Но в настоящее время это скорее абстракция, нежели политическая реальность.

Внешняя политика

Долгое время русские националисты делились на стоящих за сильную и неделимую Россию, и тех, кто,

подобно Солженицыну, считал старую советскую империю невыносимым бременем. Но и эти последние надеялись, что, пройдя чистилище, будущая Россия включит также Украину, Белоруссию и Казахстан. Они не были готовы к дезинтеграции, произошедшей в 1991 г., когда даже существование прежней РСФСР было поставлено под угрозу дальнейшим давлением сепаратистов. Такое положение дел не только они не готовы принять добровольно, но и многие, не придерживающиеся консервативного мировоззрения.

Русская правая слишком поздно почувствовала опасность. Пока Кожинов, один из наиболее эрудированных и красноречивых правых авторов, публиковал длинные описания с доказательством, что хазарское иго было бы более опасным, чем татаро-монгольская угроза⁴⁵, балтийские республики, Молдова и Кавказ ушли из-под власти России. Пока "Молодая гвардия" и "Наш современник" метали громы и молнии по поводу жидомасонского заговора 1917 г., Украина и Средняя Азия провозгласили свою независимость. Это поразительный пример политической слепоты, когда, думая о воображаемых угрозах, забывают о реальных (в их понимании) опасностях. Со временем более вдумчивые мыслители правой несомненно попытаются установить, как оказались возможными столь роковые ошибки в суждениях.

Пока еще рано размышлять о том, как русские националисты будут объяснять катастрофу 1991 г. и какова будет их реакция: возложение вины на традиционных злодеев, принятие новой реальности, или же попытки вернуть хотя бы часть утраченных земель. Потрясение было столь велико и перемены столь далеко идущими (века русской истории оказались пропавшими), что нелегко ныне оценить взгляды правых по вопросам внешней политики. Долгое время внутренние проблемы, вероятно, будут привлекать намного большее внимание, чем внешнеполитические вопросы.

Правых объединяет вера, что Россия нуждается в сильной армии, которая создаст ей надлежащее место

в мире, а некоторые из ведущих представителей правой годами доказывали, что только вооруженные силы дадут возможность руководству страны предотвратить сползание в полный хаос. Согласно некоторым идеологам крайне правой, армия — не только щит нации, но и важная культурная сила, носитель народной морали⁴⁵. Правая сопротивляется разоружению и крупным сокращениям военного бюджета. Она защищает вооруженные силы (а нередко и КГБ) от нападок, и эта поддержка оказывается взаимной.

По разным причинам правые отвергают горбачевское "новое мышление" и выражают глубокое недовольство даже теми изменениями, которые претерпела официальная советская доктрина в 1989-1990 гг.⁴⁷ Они считают, что контроль над вооружениями работает на пользу Западу. Ценой огромных усилий и жертв Советский Союз обрел весьма сильные стратегические позиции и уступить их — предательство: отсюда злобные нападки на Арбатова, Примакова, Бурлацкого и других советников Горбачева. Эти люди — ни в коей мере не либералы и уж, конечно, не радикалы, но они пришли к пониманию того, что советская экономика больше не может выдержать военного бюджета таких размеров и что в любом случае новые ассигнования приводят к уменьшению чисто военных преимуществ.

Согласно доктрине правых, ошибочно полагать, что в будущей войне ядерное оружие не сыграет решающей роли. В то же время глубокие сокращения ядерного вооружения непременно приведут рано или поздно к "мировому правительству". Таково в глазах представителей этих кругов видение американского троянского коня — самое худшее, что может выпасть на долю России: победа Запада, выигранная без единого выстрела⁴⁸.

По той же причине они выступают и против запрета испытаний ядерного оружия (за исключением запретов, установленных договором 1963 г.). Тон жалоб по поводу перемен в военной доктрине становится все более горьким. Противники этой доктрины рассматриваются как представители "пятой колонны", заражающие

страну чем-то вроде политического СПИДа⁴⁹. События 1991 г. временно привели к прекращению этих дебатов. Однако жалобы и рассуждения о том, что армии воткнули нож в спину, вероятно, будут продолжаться.

В области собственно внешней политики справа всегда существовали традиционные подозрительность и неприязнь к США. Эта традиция восходит к временам, предшествовавшим революции на многие годы. Горький, который по причинам личного характера получил в Америке весьма холодный прием, красноречиво писал о "желтом дьяволе", управляющем Америкой. После 1945 г. советская пропаганда долго описывала Америку как самую большую опасность. Верно, что существовала также проамериканская тенденция восхищения и даже преувеличения ожиданий от Америки как на народном, так и на интеллигентском уровнях, однако правой все это было чуждо. В ее глазах Америка — материалистическое общество, лишенное идеалов и ценностей, искусственная, сборная нация, которая рано или поздно распадется, отчасти из-за своего капиталистического характера, а также из-за чрезмерного эгалитаризма и отсутствия элиты. Это бесплодная страна, которая никогда не могла создать собственной культуры.

Подобные высказывания многие годы слышались в Западной Европе; среди этих критиков был и Адольф Гитлер, сказавший, что "в одной симфонии Бетховена больше культуры, чем во всей американской истории". Америка не рассматривается правыми в качестве подходящего партнера во внешней политике России. Америка — главный враг, хотя между двумя странами нет разногласий ни относительно территорий, ни в области хозяйственной конкуренции, ни по части имперских амбиций. Но, согласно русской правой, Америка систематически и небезуспешно пытается превратить Россию в своего сателлита⁵⁰.

Не очень-то любят правые Китай и Японию. Есть некоторое уважение к коммунистическому Китаю, который управляется со своими экономическими проблемами несколько лучше, чем Россия, и который успешно подавил либералов у себя дома. Но Китай — это также и "желтая

опасность", которая всегда угрожала России в Азии, это более чем миллиардная орда, угрожающая распространиться на всю Сибирь. Японией восхищаются за ее национальную спаянность и экономические достижения, но различия культур столь велики, что это препятствует подлинному сближению (не говоря уже о территориальных спорах). В противоположность либералам, правые отчаянно сопротивляются уступке какой-либо части русской территории, даже если она стала частью советской империи после 1945 г., как Курилы³¹.

Некоторые правые верят, что существуют хорошие перспективы стратегического союза с растущей мусульманской империей, даже если она будет вдохновляться идеями исламского фундаментализма. Однако мир ислама далек от единения, и многие правые опасаются, что исламские амбиции вскоре придут в столкновение с законными интересами России в Азии, а то и в Европе. В ходе войны в Персидском заливе русская правая единодушно поддерживала Ирак и осуждала свое правительство за то, что оно не отстранилось от американской и западной агрессии³². До начала войны крайне правые предсказывали, что Америка потерпит полное поражение. После разгрома Саддама Хусейна они говорили, что преимущество Америки было настолько огромным, что было позором для Запада вступать в столь неравную битву.

Некоторые правые авторы доказывают, что хорошие отношения с мусульманским миром помогут Москве сдерживать сепаратистские движения в советских мусульманских республиках. Другие, наоборот, выражали опасения относительно исламизации России, если среднеазиатские республики останутся частью Союза³³. Эти дебаты прекратились в 1991 г. после отделения среднеазиатских республик. В 1990-1991 гг. в националистических журналах печатались восторженные статьи о политической преемственности в этих республиках, но годом позже и они прекратились.

Во время кризиса в Персидском заливе среди правых не было полного согласия относительно того, какую политику считать правильной. Все соглашались, что

косвенная поддержка, якобы предоставленная американцам Горбачевым и Шеварднадзе, позорна. Но если Кожин отставал ориентацию на третий мир (согласно последним трудам Ленина), то Шафаревич предпочел российскую доктрину Монро и политику изоляционизма на то время, пока страна не справится с внутренним спадом³⁴.

Крайне правая противилась восстановлению дипломатических отношений с Израилем. Она возродила давно бездействовавшее Российское Палестинское общество сохранявшееся со времен царизма (когда оно занималось религиозной и научно-археологической деятельностью). Однако эта инициатива и другие, подобные ей, имели весьма ограниченное значение. Широкая публика вряд ли знала о них. В целом действия правых носили оборонительный характер и ограничивались отрицательным подходом; дело сводилось к обвинениям Горбачева и в особенности Шеварднадзе в оптовой сдаче российских позиций, территориальных и военных, и, как следствие, — в роковом ослаблении положения России как великой державы.

Остается рассмотреть концепции евразийства (к ним мы вернемся позднее) и идею "континентального альянса". Евразийство было и остается туманной идеей, как в культурном, так и в политическом смысле. Соловьев спрашивал своих друзей, когда они обращались к Востоку, желают ли они Востока Христа или Ксеркса. Нынешние евразийцы не желают ни Христа, ни Ксеркса, ни Хомейни, ни Каддафи; они желают чего-то такого, чего не существует, и потому не представляет собой реальной альтернативы.

В этом контексте следует хотя бы вкратце упомянуть о теориях Льва Гумилева. Сын Анны Ахматовой и поэта Николая Гумилева, он развил некоторые оригинальные концепции об этногенезе в целом и происхождении России, в частности. Этнос, по Гумилеву, носит биологический характер, основанный на пассионарности — инстинкте или движущей силе. Гумилев вплотную подошел к идеям расовой сегрегации³⁵.

Его идеи привлекали правых, поскольку в какой-то мере совпадали со славянофильством, усматривавшим различия между русским этносом и Европой; кроме того, Гумилев проповедывал что-то вроде евразийства. Некоторые его труды не могли быть опубликованы до 1987 г., а в условиях гласности правые авторы, такие как Д. Балашов³⁶, стали широко популяризировать их. Но Гумилев подвергался нападкам со стороны правых за то, что он всегда подчеркивал близость, союз между Россией, татарами, монголами и Золотой Ордой. Он считал, что связи между Россией и ее восточными соседями были намного теснее и сердечнее, чем принято полагать. Такие идеи неизбежно оскорбляли тех, кто дорожит чистотой русского этноса³⁷.

Более многочисленные "континенталисты" стоят за европейский союз, основанный на оси Берлин — Москва в качестве противовеса США и их могучей силы. Вкратце доводы в пользу "Рапалло наоборот" (имеется в виду никогда не осуществленный договор 1922 г. между Россией и Германией) можно изложить следующим образом. Немцы и русские были традиционно добрыми соседями и близкими партнерами, во многих отношениях дополнявшими друг друга. Верно, что время от времени они воевали друг с другом (1914, 1941 гг.), но это было результатом западных (и жидо-масонских) интриг и в итоге страдали оба великих народа. В 1922 г. Германия была слабой стороной в союзе, сегодня в плохом состоянии Россия³⁸. Но в истории народов бывают подъемы и спады. Рано или поздно Россия оправится, и если Россия и Германия объединят свои силы, они будут сильнейшей стороной в Европе, а то и во всем мире. Русские правые авторы с удовлетворением отмечают антиамериканские настроения в Германии и указывают на идеологическое сходство двух стран: Россия склоняется к авторитарному правлению, и Германия также не принимает всерьез нынешний парламентаризм. Как пишет В. Осипов, Германия, в сущности, консервативная страна, которой разложение не коснулось в такой степени как остальной Европы и Америки³⁹.

Авторы всех этих историософских или "геополитических" фантазий — не специалисты; они мало или вовсе ничего не знают о мире и об интеллектуальной жизни за пределами России. Они рассуждают в шпенглеровском духе о странах и народах, которых никогда не видели. Отсюда вечная тяга к переоценке американской заинтересованности в Европе и к недооценке перемен, произошедших в Германии после второй мировой войны. Отсутствие глубоких знаний и способности понимать другого сочетается у них со стремлением везде видеть заговоры. Еженедельник "День" гордо оперирует термином "конспиратология" как названием новой науки, которой посвящен особый постоянный раздел этого издания.

Русские консерваторы XIX века от славянофилов до Победоносцева, как правило, отлично знали Запад. Одно из печальных последствий изоляции России после 1917 г. состоит в том, что даже ярые враги большевизма не понимают окружающего мира. Их теории чаще укоренены в мире фантазий, нежели в реалиях современности.

* * *

Наш обзор идей крайне правой в основном не касался безумных маргиналов этого лагеря. Между тем они существуют, созывают митинги, публикуют журналы, и линию, отделяющую эти круги от более уважаемых фигур правого лагеря, не всегда бывает легко различить невооруженным глазом. Наиболее крайние публикации вроде "Народного дела" или "Русских ведомостей" обнаруживают огромный интерес к сексуальной тематике. Они доказывают, что белая раса (в отличие от цветных) не подвержена угрозе СПИДа и что русская женщина, хотя бы однажды имевшая сношение с негром или евреем, больше не сможет родить генетически чистого русского или негритянского ребенка: она будет лишь матерью еврейского или негритянского ребенка⁴⁰. Нечего и говорить, что в подобной периодике широко публикуются Розенберг, Геббельс и Муссолини.

Оккультные источники идеологии крайне правой

Истоки мышления современной русской правой можно проследить как восходящие к славянофилам и Достоевскому, к православной религии и (в какой-то степени) к неоязычеству. Но есть еще один источник, нередко упускаемый из виду, но не менее важный, чем перечисленные выше. Речь идет об эзотерической традиции, оккультных науках, в особенности астрологии, и других аспектах иррационального, неаналитического мышления, почерпнутого из древнеиндийских источников, Нострадамуса, спиритуализма, парапсихологии и прочей литературы такого рода. Обзор книг, опубликованных в 1988-1992 гг., показывает, что по количеству названий и по тиражу подобные книги и альманахи значительно превосходят "Историю России" Карамзина и другие ключевые работы по русской национальной традиции и равняются, а то и превосходят Библию и другие религиозные издания⁶¹.

И на Западе и на Востоке это явление обычно обходят стороной. Но Юнг однажды отметил, что высшая точка распространения астрологии — не средние века, а наше время, и что астрология "стучится в двери университетов". Фриц Саксл, историк искусства, отмечая феноменальное увлечение астрологией, объяснял его отчасти как возвращение к язычеству, типичное для периодов великих потрясений. Он пришел к выводу, что ни один исторический период не может быть понят полностью без тщательного изучения присущих ему ненаучных течений⁶².

Академическая мысль отразила астрологию со времени революции в науке, происшедшей в XVII веке. Но в Англии, а позднее в Америке, она никогда не умирала полностью. В конце XIX века возрождение оккультизма наблюдалось во Франции; в Германии это происходило до и после первой мировой войны, а в России это наблюдалось в течение долгого времени. Некоторые ключевые фигуры оккультизма были русского происхождения — Блаватская (1831-1891 гг.), Гурджиев, Успенский, — но

все они большую часть жизни провели за пределами России. Вера в чудесное врачевание всегда была модой в России. Хорошо известен феномен Распутина и то, как царская семья зависела от этого "святого человека". Но он лишь наиболее известный из множества видных чудесных врачей. Поэтому нет ничего удивительного, что это явление возродилось в России в 60-е годы, когда даже члены Политбюро обращались за советом к гадалкам и чудо-врачевателям.

Однако до недавнего времени оккультная субкультура удерживалась в стороне от официальной идеологии: "Правда" не стала бы публиковать гороскопы, как это делает в 1922 г. "Советская Россия", а "Коммунист" не открыл бы своих страниц для дискуссий о Сведенборге и Рудольфе Штейнере. Имели место некоторые научные исследования парапсихологических явлений, но это делается и на Западе.

Оккультные науки сами по себе не носят политического характера; они гораздо меньше привлекают людей, склонных к рациональному взгляду на мир; значительно сильнее их влияние на тех, кто верит, что наука не в состоянии дать ответа на подлинно важные вопросы бытия. Необычайное оживление оккультизма в современной России во многом можно объяснить реакцией на "научные" претензии былой официальной идеологии — марксизма-ленинизма.

Что касается русской правой, то вера в Сатану и прочие демонические силы — также часть оккультной традиции, ибо она находится за пределами учения церкви. Есть у крайне правой и другие верования; несколько типичных примеров позволят уяснить их характер и причины привлекательности. Возьмем распространенную в этой среде веру в прорицания. Половина декабрьского (1991 г.) номера "Русского воскресения", органа Русского национально-освободительного движения, была отведена под перевод из Нострадамуса, согласно которому сатанисты будут окончательно уничтожены в 1999 г. Тексты сопровождаются средневековыми изображениями животных и демонов и псевдоматематичес-

кими формулами⁶³. "Пульс Тушина", ведущая московская антисемитская газета, сообщает, что новосибирская газета "7 дней" информировала о чернобыльской катастрофе за несколько дней до действительного события⁶⁴. Правда, такие верования свойственны не только правым — имеется публикация советского МИДа, что астрологи первыми сообщили в газетах и по телевидению о возможности переворота в 1991-1992 гг. но эти сообщения отметили как сеющие панику⁶⁵. Однако периодика крайне правой опередила всех. Так, летом 1991 г. и "Истоки" и "Воскресение" опубликовали статьи о таинственных смертях видных русских антисемитов. Статья в "Истоках" называлась "Как они нас убивают", в "Воскресении" — "Загадка смерти еще не раскрыта". Вероятно, обе статьи написал один и тот же автор: одна подписана "Астролог", другая — Шариков-Ризеншнауцер, астролог⁶⁶.

В статьях говорится о самоубийстве Смирнова-Осташвили, лидера "Памяти", и о гибели в дорожной катастрофе Евсеева — видного ее идеолога. Вкратце доводы автора (авторов?) таковы: цифры 7 и 8 считаются благоприятными среди тех, кто занимается черной магией. "Литературная газета" опубликовала 7 февраля 1990 г. статью, в которой Осташвили обвинялся в различных неблагоприятных поступках. Катастрофа с Евсеевым произошла 10 февраля, а умер он 15 (7 + 8) февраля 1990 г. Дорожная милиция обнаружила его раненым на 78-ом (I) километре московской кольцевой дороги. Ранее в тот же день прокурор открыл против него дело по статье 74 (возбуждение расовой ненависти; опять семерка), которое было прекращено, ибо "ритуальное убийство уже свершилось". Согласно астрологу, Евсеев был или загипнотизирован теми, кто занимается черной магией, или загнан в ловушку кем-то, кого он считал старым другом, или был погублен врачом, который, пытаясь спасти его, перерезал ему гортань ("чтобы он не мог говорить").

Есть еще более верное свидетельство. Убийство было совершено в 11 часов вечера, т.е. согласно древней восточной традиции, в "час собаки"; на последней фотог-

рафии Осташвили часы показывают 10; десятый знак Зодиака — Козерог, который по астрологической традиции присущ тем, кто тайно властвует над страной, обычно масонам-педерастам ("все масоны в Советском Союзе — педерасты"), ибо их идол — маленький дьявол в облике козла по имени Вафомет⁶⁷. Автор (авторы?) рассматривает возможность того, что эти гнусные деяния могли быть связаны с кампанией, развязанной в то время против КГБ, но далее отказывается от этой версии; идея простого ритуального убийства представляется ему более вероятной.

"Час собаки" — также след в решении загадки; когда убивали Распутина и Николая II, то избавились и от их собак, а "Огонек", ведущий либеральный журнал тех дней, незадолго до гибели Евсеева назвал его и его последователей "детьми Шарикова"⁶⁸. Дальнейшие улики также дают знаки Зодиака: Дева обозначает Германию, Лев — Японию, Рыбы — различные островные народы, включая евреев. То же относится и к различным частям тела. Телец обозначает лицо и шею, Близнецы — бедра, Водолей — гортань. Поскольку доктора, проводившие посмертное вскрытие тела Евсеева, перерезали ему гортань, все части сатанинской загадки складываются в ясную картину. Очевидно, куда ведут кровавые следы убийства двух патриотов — Евсеева и Осташвили.

Таков пример образа мышления и доводов, которые используют астрологи крайне правой. Возникает искушение видеть в этом бреду искусную мистификацию: астролог, выбирающий псевдоним Ризеншнауцер-Шариков, вряд ли ожидает, что к его доводам отнесутся серьезно. Однако чувство юмора не относится к характерным чертам крайне правой, и меньше всего — в России.

Среди русской правой нет единого мнения в отношении того, как воспринимать различные школы оккультизма. Можно полагать, что наиболее привлекательной для них может быть Блаватская: она русская по происхождению и одно время добровольно служила русской политической полиции. В ее работах множество отсылок к индийской мудрости, свастике и арийской расе. Ее работы

и прежде всего "Секретная доктрина" (1888 г.) широко публиковались в России в годы гласности⁶⁹. Однако правые держатся в стороне от Блаватской, отчасти потому, что она предлагает синкретическую религию, противоречащую учению православной церкви. Еще меньше симпатии вызывает у них школа теософии Рудольфа Штейнера, в основном явно из-за еврейского происхождения основателя школы; столь же решительно отвергаются розенкрейцеры и Сведенборг, шведский инженер XVIII века, который был пионером примата сверхчувственного восприятия. И здесь напрашиваются интересные параллели с оккультными источниками национал-социализма. Ариософисты Германии и Австрии заимствовали из широкого спектра оккультных теорий и практик то, что наилучшим образом соответствовало их политическим устремлениям, отбрасывая или игнорируя все прочее⁷⁰. Гиммлер и другие вожди нацизма находились под влиянием ариософистов, но позднее это влияние ослабело; Гитлер же, наоборот, презирал правых сектантов, которых он считал людьми с заскоками, не привлекающими массы, а, наоборот, мешающими единению германской правой своими бесконечными внутренними склоками. В какой-то мере перед Гитлером и русской крайней правой стоят те же дилеммы. У обоих мировоззрение иррационально, утопично, отличается антизападным и антимодернистским уклоном. Но Гитлер был достаточным реалистом, чтобы понимать: сильная Германия может существовать, лишь опираясь на сильную армию, которая, в свою очередь, опирается на крупную и эффективную промышленность, а не на какие-то оккультные фантазии. Среди русской правой государственники и национал-большевики понимают это, но для других групп принять это оказывается все труднее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ныне восхваления Столыпина содержатся, например, в статье "Пророк", "Воля России", № 2, Екатеринбург, 1991, и в отчете о столыпинских чтениях в Санкт-Петербурге ("Наше время", №6, 1991).

² "Просвещенный патриотизм...", Москва, 5/1991, стр. 9

³ Уничтожающую оценку личности и умственных способностей Николая II содержат дневники М. Меньшикова, крайне консервативного автора того времени. Соответствующая запись была сделана в апреле 1918 г. после ложного известия об убийстве царя. Меньшиков полагал, что почти каждый человек, обладавший хоть малой дозой здравого смысла и пользующийся уважением, мог бы спасти страну ("Русский вестник", 20/1991).

⁴ Какое-то время правые круги требовали, чтобы этот дом был провозглашен национальной святыней, и яростно нападали на Бориса Ельцина за то, что он, в бытность свою партийным секретарем в Екатеринбурге (Свердловске), следуя указанию Брежнева, приказал снести дом ("Русское знамя", №1, 1991). "Русское знамя" в 1906 г. было центральным органом черносотенцев, и новый журнал считает себя его законным наследником.

⁵ Согласно одной из последних теорий, которая может быть столь же вероятной (или невероятной), как и предшествовавшие, настоящее имя Юровского было Станислав Уншлихт, и он был видным старым большевиком, а по происхождению — польским дворянином. Партийная кличка Уншлихта была "Юровский", и в последующие годы он был одним из руководителей ЧК ("Страна и мир", №6/1991, стр. 106-129).

⁶ М. Бернштам (Стенфорд, Калифорния) в статье, перепечатанной "Молодой гвардией" (№5-6, 1992), доказывает, что красных поддерживали иностранные силы,

такие как латышские стрелки. Но справедливости ради надо отметить, что белых поддерживали западные союзники и Япония.

7 Л.К. Шкаренков. Агония белой эмиграции. М., 1986; А.Л. Афанасьев. Польша в чужих полях. Минск, 1985.

8 Большинство русских эмигрантов не были великими князьями и не принадлежали к крайне правой. Ведущие ежедневные газеты эмиграции "Последние новости" (Париж, 1920-1940) и "Новое русское слово" (Нью-Йорк), так же, как и другие ведущие периодические издания — "Современные записки" (Париж) и "Воля России" (Прага) — находились левее центра. Их издатели и авторы не реабилитированы до сих пор. Русская правая не интересуется такими людьми как Павел Милюков, Виктор Чернов, Александр Керенский или Марк Вишняк, для них они остаются по сей день врагами и "предателями" России.

9 Против Власова выступает, например, генерал М. Гарева в статье "О мифах..." ("Военно-исторический журнал", №4, 1991).

10 Шабельская, актриса и русская "роковая женщина", была автором романа "Сатанисты XX века". Она была матерью офицера, который в 1992 г. в Берлине застрелил отца писателя Владимира Набокова. Крестовский был русским Эженом Сю, писавшим о петербургских трущобах; позднее он стал интересоваться еврейским преступным миром.

11 Отрицательные замечания Бухарина о Есенине, часто цитируемые в этом контексте, появились лишь через два года после смерти поэта, но мнение, что Есенин был убит, живет. См. "Убийство Есенина" ("В блокнот патриота", №1/1990, Ленинград); "Московский литератор" (№1, 1992) объявил о создании комиссии "по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина". Недавно было высказано предположение, что Александр Блок также был убит (от-

равлен) видными большевистскими интеллектуалами (В. Солоухин. "Литературная Россия", №4, 1992). Доказательства абсолютно нелепы.

12 В. Ходасевич. Есенин. — "Современные записки", т. 27, 1926. См. Также : Fritz Merau. Sergei Jessenin. Leipzig, 1992. SS. 66-71. Несколькими годами ранее Есенин, подобно Блоку и некоторым другим его друзьям, выступал за революционное разрушение, тогда как Горький, главный жупел правой, предостерегал против бессмысленных разрушений. Для идола русской правой Есенин имеет несколько пороков. Одному приятелю (А. Мариенгофу) он писал, что в России его ценят только молодые еврейки, а другому приятелю (В. Наседкину) он говорил осенью 1925 г., что Троцкий — идеал, самое совершенное человеческое существо.

13 Н. Бердяев. О русском национальном. — "Слово", 7 декабря 1908.

14 И. Шафаревич. В: "Политика", март 1991. Распутина цитирует А.Стреляный ("Песни западных славян". — "Литературная газета", 8 августа 1991).

15 Н.П.Федотов. Русский человек. — "Русские записки", № 3, 1938.

16 В. Хлесткин. Камо грядеши. — "Общественные науки", №3, 1989.

17 В. Соловьев. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 50.

18 Это письмо, первоначально опубликованное в "Литературной России" (№9, 1990), было перепечатано затем "Нашим современником" (№4, 1990) и другими изданиями.

19 "О тайной природе капитализма". — "Вече", Новгород, №10, 1991.

- 20 Ю. Бородай. Почему православным не годится протестантский капитализм. — "Наш современник", №10, 1990.
- 21 "Воскресенье", август 1990.
- 22 L. Alexeyeva. Soviet Dissent. Middletown, 1985.
- 23 "Наше время", №7/8, 1991. Для преодоления кризиса Лысенко предлагал создать крупное государственное кредитное учреждение для поддержки и поощрения всякого рода малых предприятий.
- 24 Сначала статьи Кургиняна печатались в "Литературной России" (№№26-28, 35, 1989); затем он начал печататься в "Дне" и в "Московской правде" ("Политическая кадрили, или Пакт с черным пуделем" — намек на "Фауста" Гете, 8 июня 1991), а также в "Москве" (№9, 1991) и во многих других журналах. См. также: "Правая альтернатива". — "Постфактум", №1/2, 1991, стр. 10-12.
- 25 "Независимая газета", 19 февраля 1991; Victor Yasman. Elite Think Tank Prepares Post-Perestroika Strategy. - "Report on the USSR". May 24, 1991.
- 26 Н.П. Горячев. В: "Отечество", декабрь 1991.
- 27 "Как нам обустроить Россию?". Париж, 1990, стр. 18.
- 28 В. Криворотов. В: "Кубань", №1, 1990, стр. 80. Речь идет о "Раковом корпусе" Солженицына.
- 29 "На позициях социализма". — "Московский литератор", 24 марта 1989.
- 30 В. Литов. С Лениным побеждать. — "Молодая гвардия", №4-5, 1990.
- 31 А. Сергеев. Энциклопедия криминальной буржуазии. — "Наш современник", №4, 1990.

- 32 А. Кузьмич. Катастрофа России: миф или реальность? — "Воскресение", №6-7, 1991.
- 33 "Открытое письмо академику Заславской". — "Московский литератор", 14 апреля 1989 г.
- 34 А. Hitler. Mein Kampf. Volksgausgabe, Munchen, 1930, S. 151.
- 35 А. Barkai. Das Wirtschaftssystem des National Sozialismus. Frankfurt, 1988; W. Hock. Deutscher Antikapitalismus. Frankfurt, 1960.
- 36 "День", 10 января 1992 г. На термин "новая правая" претендуют также некоторые социал-христианские диссиденты 60-х годов, например, Е. Вагин ("Наш современник", № 4, 1992). В контексте настоящей работы имеется в виду группа публицистов, рупором которой является прежде всего "День".
- 37 Проханов в "Век XX и мир", № 11, 1991, стр. 23.
- 38 Для ознакомления со взглядами "новой правой" следует просмотреть работы Бенуа, а также периодические издания и другие публикации издательства "Коперник". Хорошие резюме и отличные библиографии содержат работы: Gress, Jaschke, Schonke. "Neue Rechte und Rechtsextremismus in Europa. Opladen, 1990; Wolfgang Kowalsky. Kulturrevolution. Opladen, 1991.
- 39 Согласно Дугину, этот термин впервые применил славянофил Юрий Самарин, позднее — Достоевский и Константин Леонтьев.
- 40 Метанойя — теологическая концепция, обозначающая полное духовное покаяние в ожидании пришествия Царства Божия и спасения (Евангелие от Марка, 3:8 и 14:17; от Матфея, 1:15).
- 41 "Время работает на наших". — "Политика", сентябрь 1991. "Политика" опубликовала также длинные интервью с

Аленом Бенуа, Робертом Стойкесом и другими идеологами западной новой правой.

42 Приведем хотя бы такой пример: Дугин включает Шпенглера, Отмара Шпанна, Вернера Зомбарта и Карла Шмитта в число видных мыслителей германской консервативной революции и называет их преданными русофилами. ("Политика", сентябрь, 1991). Нет ничего столь же далекого от их подлинных убеждений.

43 Уже отмечалось увлечение Дугина Джулиусом Эволой: он цитирует его весьма обильно. Эвола (1898-1974 гг.) сначала был дадаистом, а затем видным идеологом фашизма и неофашизма, последователем Альфреда Розенберга и крайней германской правой. После свержения Муссолини он бежал в Германию, был тяжело ранен и разбит параличом при бомбардировке Вены в 1945 г., но продолжал печататься. Некоторые его антидемократические и антимодернистские работы оказали большое влияние на европейскую новую правую.

44 "День", однако, подчеркивает, что это не местное русское явление, а часть общей континентальной (европейской и азиатской) тенденции, к которой принадлежит сам "День", бельгийский журнал "Вулюар", а также новая правая (и крайне правая) в Англии, Германии, Индии и других странах ("День", 29 декабря 1991).

45 Хазары — тюркское племя, создавшее в IV веке империю в районе Черного моря и в 740 г. обращенное в иудаизм. Хазарское государство потерпело крушение в середине X века.

46 Карем Раш. Армия и культура. — "Военно-исторический журнал", №9, 1989, стр. 9.

47 Ю. Катасонов. Ядерный щит и национальная идея. — "Наш современник", №10, 1991, стр. 156.

48 И. Шанин. Там же, стр. 152.

49 А.Н. Анисимов. Там же, стр. 148.

50 Д. Катасонов. "Московский литератор", 20 декабря 1990 г. К лету 1990 г. подобные идеи начали высказывать даже представители умеренной правой, например Николай Павлов ("Независимая газета", 12 июня 1992 г.).

51 Для иллюстрации антияпонской позиции русской правой см. статьи Хорина и Сергея в "Русском вестнике" (№ 28/29, 1991).

52 Примером может быть статья: "Агрессия против Ирака продолжается". — "Положение дел", май 1991. Проиракских статей было такое множество и поддержка была столь горячей, что возникли слухи о бесплатности этой кампании. См. также "Домострой", №2, 1991; "День", №2, 1991; "Пограничник", 12 декабря 1990 г. ("Аравийская авантюра детей Арбатова").

53 Забродский ("Москва", №7, 1991). Комментарии о последующих событиях см. в: А. Мальшенко. Ислам и национал-коммунизм. — "Независимая газета", 12 марта 1992 г.

54 "Литературная Россия", №2, 1991.

55 О Льве Гумилеве и его теориях см.: Milan Hauner. What is Asia to Us? Boston, 1990, pp. 30-31. Гумилев умер в июне 1992 г.

56 "Литературная Россия", 24 февраля 1989 г.

57 См. А. Кузьмин ("Молодая гвардия", №9, 1991) и ответ Гумилева ("День", №1, 1992); см. также Л. Гумилев. Меня называют евразийцем. ("Наш современник", №1, 1991), и ожесточенные нападки Гусева ("Русский вестник", №27, 1991), который обвиняет Гумилева в фальсификации истории России и "распространении клеветы на наших предков" ("Русский вестник", №15, 1992).

58 Обсуждение этих вопросов ведется, в частности, в следующих публикациях: М. Александров ("Литературная Россия", №26, 1990); Е. Володин ("Литературная Россия", №28, 1990); Н. Тверской. Нам нужен вечный германо-русский альянс. — "Голос России", №1, 1991. Термин "ось Москва — Берлин" использовал А. Фоменко ("Литературная Россия", №34, 1990, стр. 19).

59 "Москва", №7, 1991.

60 "Народное дело", №1, 1992.

61 Приведем лишь один пример. В "Книжном обозрении", 3/1992, объявлено о выходе 25 книг, проходящих по рубрике "философия, социология, психология и религия". Десять из них посвящены оккультным наукам. Если средний тираж неоккультных книг составил 10-20 тысяч экземпляров, то для книг по астрологии и подобным ей предметам он составлял 50-100 тысяч экземпляров.

62 Fritz Saxl Lectures. L., Vol. I, p. 73.

63 "Русское воскресение", 5 (13), 1991. Нострадамус, впрочем, обсуждается и в научно-популярных журналах; см., например, "Знание — сила", №11, 1991. О России там предсказаний нет, но некоторые последователи Нострадамуса считают Россией упомянутую им страну Аквилон.

64 "Пульс Тушина", №14, 1990. Автор статьи позднее повесился. Нет нужды говорить, что "Пульс Тушина" посчитал это убийством.

65 Феликс Величко. Астрология и политика. — "Международная жизнь", ноябрь 1991, стр. 96. Автор замечает также, что в июле шансы заговорщиков были несколько выше. Справедливости ради надо заметить, что многие западные советологи, не говоря о Шеварднадзе, Яковлеве и др., также ожидали путча.

66 "Истоки", май 1991; "Воскресение", №7, 1991.

67 "Воскресение", №7, 1991.

68 Намек на повесть М. Булгакова "Собачье сердце".

69 По случаю столетнего юбилея со дня ее смерти "Наука и религия", некогда ведущий атеистический журнал, опубликовал пять статей, посвященных ее памяти (сентябрь 1991). В 1991 г. в Москве было основано новое Теософское общество.

70 N. Goodwick-Clarke. The Occult Roots of Nazism. Wellingborough, 1985, passim; G. Mosse. The Crisis of German Ideology. L., 1966, ch.2.